

годов произишел значительный рост польских вооруженных сил, произошла их реорганизация, проведено техническое обновление. В блеске выдающегося советского полководца мировой войны польские вооруженные силы пользовались в те годы приоритетом Советского Союза: нам прежде всего направлялись различные новые виды советского вооружения, мы в первую очередь получали лицензии на производство нового (хотя и далеко не новейшего) военного имущества. В то же время развивалась отечественная военная промышленность: авиационная, танковая, артиллерийская, производство боеприпасов, ручного оружия и т. д. Польское общество было отягощено такими расходами на оборону, каких не знало ни одно из государств социалистического лагеря. Ярчайшим доказательством этого была переработка шестилетнего хозяйственного плана (1949—1955), произведенная во второй половине 1951 г., то есть практически в начале его реализации, под предлогом подготовки территории Польши для возможного перебазирования советских войск из западной части СССР в ГДР (системы коммуникации, запасные аэродромы, перевалочные базы, системы связи и т. д.).

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Еще перед прибытием Рокоссовского начали выгонять из армии предвоенных офицеров, а в 1949—52 гг. от них избавились окончательно. На высших должностях — не исключая даже политический аппарат — остались советские офицеры польского происхождения, а с 1950 г. начали прибывать в центральный аппарат чисто русские офицеры.

Несколько позже прибыли еще и помощники, которых прикрепили к “ополяченным”, как их называли — советским командующим, как бы дублируя занимаемые ими должности. Таким образом в быстром темпе перевели в польскую армию не только советских специалистов, но также перенесли и дворцовый стиль поведения, свойственный иерархии Красной Армии, являющийся следствием абсолютной власти, которой пользовались — в своей епархии, конечно — командующие в годы войны. Во времена Рокоссовского советских офицеров на руководящих постах не связывало ни польское законодательство, ни местные обычаи; командующие военными округами и родами войск отвечали только перед Рокоссовским.

Во время исполнения обязанностей министра Рокоссовский занимал этаж одной из двух больших вилл на улице Кленовой, напротив своего места работы. Там также жили Берут и Минц, поэтому эта улица была закрыта для движения (некоторое время был закрыт и въезд с Аллеи Уяздовских на Бельведерскую около Бельведера, где работал Берут). На работу приходит к 10 часам, и с двухчасовым перерывом на обед и часовым на ужин, засиживался до поздней ночи. Таким был вообще тогдашний стиль работы, продиктованный временем работы Сталина, и распространенный на все учреждения социалистических стран. Так работали также Генеральный штаб и все центральные учреждения, а также руководство всех военных округов в Польше.

Начальником канцелярии при Рокоссовском был поляк Станислав Гудович из Советской Армии, адъютантом Маршала со времен войны был Клыков, тоже советский офицер. Для Клыкова не было своей жизни, его жизнью был Рокоссовский; не изменилось это до конца жизни Маршала.

Атмосфера великолепия, которая сопровождала каждый шаг Рокоссовского, не уменьшала, тем не менее, его врожденной скромности, и не лишала непосредственности в общении. Характерным было, например, что когда встречался с кем-то незнакомым, считал необходимым представиться: “Рокоссовский” — говорил он, подавая руку, хотя его портреты висели едва ли не в каждом государственном учреждении.

Он умел также и сдерживать своих генералов, когда они переходили армейские границы власти. Почувствовал на себе это командующий Краковским военным округом генерал Болеслав Кеневич, когда в ноябре 1953 г., переведенный на такой же пост в Варшаву, присмотрел себе для квартиры одну из вилл на Мокотове, в которой после войны жили шесть семей. Выселенные в запасные квартиры, они подали жалобу Рокоссовскому. Он отреагировал немедленно: переселенцам приказал выплатить компенсацию за нанесенные убытки, и хотя вилла осталась в распоряжении армии, ее незадачливый обитатель через несколько недель был уже со своими манатками в дороге в СССР, где был отправлен на заслуженный отдых.

* * *

Остается еще вопрос: кем себя чувствовал Рокоссовский — поляком или русским?

Наверное, и тем и другим. Его добрые чувства к Польше были несомненны, и хотя в Советском Союзе прожил он всю свою взрослую жизнь, хотя там достиг положения, о каком не мечтал, ощущал себя также поляком, и то, что делалось в Польше, не было ему безразлично. Встречался, к тому же, в нашей стране со свидетельствами искренней симпатии, был любим и почитаем армией, а на условия жизни, тем более, пожаловаться не мог. Ему были свойственны обычаи, более близкие западной культуре, однако не чужд был и стиль жизни, перенесенный из армии, которая его воспитала. Интересы России, его настоящей родины, были для него на первом месте и ими руководствовался он во всех своих поступках; лучше себя чувствовал в окружении русских, а не поляков. да и вообще, если и был перед кем-то ответственен за состояние польской армии, то наверное не перед польскими властями.

Тадеуш ПЬЮРО